

Филимонов А.В.,
профессор Псковского
педагогического университета
им. С.М. Кирова.

УТРЕТСКИЕ И ИХ УСАДЬБА «КРИВОНОГОВО»

В дореволюционной Псковской губернии существовали не только дворянские имения, в том числе весьма крупные и с успешно налаженным хозяйством, но и множество владений «рангом пониже», принадлежавших купцам, торговцам, «капиталистам» крестьянам и т.п. Некоторые из них по своим размерам и характеру поставленного хозяйства зачастую не уступали помещичьим. В числе таких было и хозяйство Утретских в селении Кривоногово Синеникольской волости Опочецкого уезда (ныне территория Красногородского района), владельцы которого имели большие земельные угодья и вели широкую торговлю льном и скотом.

Настоящая статья построена на немногочисленных архивных материалах, относящихся к 1920-м годам, когда Советская власть обращала повышенное и неослабное внимание к такого рода хозяйствам и их владельцам. Имеющиеся сведения не претендуют на исчерпывающее создание картины жизни представителей рода Утретских, но позволяют в общих чертах представить облик имения и судьбы его хозяев.

До революции Утретским принадлежало в разных местах Опочецкого уезда восемь пустошей – Кривоногово (где находилась и усадьба), Исаевка, Свобалово, Пузыревка, Векистово, Скоково, Комаровка, Свекловка – общей площадью до 330 десятин (по другим данным – 150-200 дес.). У них имелось 65 коров и 7 лошадей (1912-1915 гг.). Умерший в 1909 (1910?) г. Иван Утретский оставил всё богатство своим детям – сыновьям Владимиру и Петру и дочери Вере.¹ Однако, старший сын Владимир (1879 г. р.) приблизительно в год смерти отца отделился и вплоть до революции имел собственную торговлю скотом в Острове. После революции он некоторое время работал там же по заготовке скота, а затем на мясокомбинате в Ленинграде.²

Поэтому главным хозяином в Кривоногове стал Петр Иванович Утретский, которого в 1924 г. газета «Псковский пахарь» окрестила «бывшим полупомещиком, полукупцом, крупным торговцем льном и землевладельцем», имевшим «постройки помещичьего типа».³

О том, что это были за постройки, дают представление их опись и оценка, составленные в июне 1926 г. специальной комиссией. Из них создаётся впечатление, что усадьба Кривоногово действительно представляла собой богатое и благоустроенное хозяйство с целым набором разнообразных строений.

Обращал на себя внимание, прежде всего, большой (7,3 x 8 x 2,5 сажень) двухэтажный полукаменный жилой дом под железной крышей и с 9 комнатами. Нижний этаж его был каменным, второй деревянный, обшитый тесом. На первом этаже находилось складское помещение и три комнаты, на уровне второго этажа помимо жилых комнат – деревянный чулан. Такими же добротными были и

надворные постройки, приспособленные к ведению обширного хозяйства. Наличие развитого животноводства и льноводства обусловили постройку нескольких сараев для хранения сена и льна, а также скотных дворов и других подсобных помещений. Большинство их были покрыты тесом или лучиной, некоторые – железом, и лишь немногие – соломой. Так, на усадьбе располагались: деревянная овчарня с внутренней перегородкой (размер 6 х 2,5 х 1,5 саж.), большой деревянный сарай (7 х 3 х 1,5 саж.). Другой деревянный сарай на столбах и двумя зарубами по краям (размером 13 х 3 х 1 саж.) прилегал к саду, третий (7 х 3 х 1 саж.) находился неподалеку от гумна, а четвёртый – близ протекавшего рядом ручья. Имелись также деревянная конюшня с потолком и перегородками (размером 4,5 х 3,5 х 1,5 саж.). Скотный двор, состоявший из двух хлевов и двух связей (размер каждой связи – 8,5 х 3 х 1 саж.). Два бревенчатых амбара с полом и закромами (3 х 3 х 1,5 саж.). Ещё один небольшой амбар, гумно (13 х 5 саж.), две риги, баня, каменная кладовая (9 х 3,5 х 2 саж.), два сада, правда, небольших: они занимали площадь всего $\frac{3}{4}$ дес., а плодовых деревьев насчитывалось только 14. «Постройки в Кривоногове говорят сами за себя: в них вложены большие капиталы», - подчёркивалось в Заключении.⁴

Естественным было желание Петра Утретского сохранить всё это от уничтожения и разграбления после 1917 г. В 1919 г. в целях сохранения хозяйства от национализации он предпринял фиктивный раздел его на 5 самостоятельных хозяйств, сумев получить от властей соответствующие документы на каждое из них с пометкой «хозяйство отдельное, посев общий». Фиктивным раздел был потому, что в числе хозяев оказались даже «мертвые души» - без вести пропавший брат Борис, погибший во время службы в Красной Армии Иван, а в остальном хозяйства были оформлены на сестру Петра, на него самого и проживавшую вместе с ним мать. Казалось бы, дело сделано, раздел подтверждён документами, но вскоре неожиданно вспыхнула внутрисемейная тяжба, превратившаяся в прямо-таки анекдотическую историю.

Сестра главного хозяина – Петра Утретского – Вера Ивановна до революции училась, а после 1917 г. в зимнее время учительствовала («учительствовала в то время, когда не всякий хотел учительствовать, так как за это почти ничего не платили»), летом работала в своём хозяйстве. В 1923 г. она вышла замуж за крестьянского сына, но решила остаться в родительском доме на своём хозяйстве. Но брат думал иначе: он поставил цель во что бы то ни стало избавиться от сестры с мужем, создав для них невыносимые условия: «все продукты и даже дрова закрыл на замок, думая взять голодом и холодом». Возникло в результате судебное разбирательство. Синерецкая волостная земельная комиссия, а затем и Опочецкая уездная комиссия решили: поскольку сестра вступила в брак без согласия родных, то обязана покинуть родительский дом и вместе с мужем искать средства к жизни на стороне. Та обратилась в губернскую земельную комиссию, которая нашла, что на брак согласия членов двора не требуется, а потому признала право Веры Утретской на часть имущества и возвратила дело в Опочецкую комиссию для пересмотра решения. Но последняя, несмотря на решение губернской комиссии, снова решила всё в пользу брата. 4 сентября 1924 г. дело снова рассматривалось в Пскове, и опять

губернская комиссия отменила решение нижестоящих органов, признав Веру Ивановну с мужем членами двора.

«Утретский, сумевший сохранить имение от национализации, - заметил «Псковский пахарь», - сам арендует землю своего бывшего имения из запасного фонда», предполагая, что «сейчас он имеет около 20 десятин земли 1-го разряда, а может быть и больше». Так же поступает «его приятель мельник Крафт. Он прикармливает местных работников, которых к себе приглашает, угощает, даёт подводу...».⁵

Не добившись удовлетворения своих требований в Опочке, Вера Утретская обратилась в земельную комиссию соседнего уезда – Островского, которая рассмотрела её заявление 30 декабря 1924 г. Островская комиссия нашла, что сестра Утретского имеет полное право получить свою часть имущества, да ещё и вместе с мужем. При этом, отнеся хозяйство Утретского к разряду «нетрудовых» (фактически – помещичьих), комиссия постановила объявить всё его имущество достоянием государства,⁶ и бывшему владельцу пришлось выступать отныне в качестве арендатора. Вот чем обернулось для него нежелание делиться с родственниками!

Но вскоре Утретским стало не до внутрисемейных разборок: в 1924 г. в губернии начался процесс выселения бывших помещиков и другого «нетрудового элемента» из их родовых «гнезд». В первую очередь выселялись дворяне, собственники типа Утретских относились ко «второй очереди», поэтому до них дело дошло не сразу. В 1925 г., когда выселения производились особенно интенсивно, их пока что не тронули, а вновь дело всплыло в 1926 г. О том, какие попытки предпринимались в отношении Утретских, свидетельствует, например, постановление Синерецкого волысполкома от 11 июня 1926 г. «О муниципализации построек в с. Кривоногово Утретского»:

«Утретский был предназначен к выселению как бывший нетрудовой элемент, но губисполком отменил это решение. В селе Кривоногово имеется много построек, принадлежавших Утретскому раньше. Эти здания находятся в бесхозном состоянии. Ведение сельского хозяйства ввиду больших размеров дома и амбара является нецелесообразным, амбар оборудован для склада льна. Можно использовать эти постройки для других целей, например, под больницу».⁷

А Опочецкая уездная комиссия через несколько дней снова поставила вопрос «О выселении бывшего помещика Утретского», записав в своём решении: «Считать вопрос о выселении решённым... но ввиду неясности вопроса о судьбе построек – запросить губернскую комиссию о разъяснении». А затем последовала к этому решению добавка «о бывшем крупном землевладельце Утретском Петре Ивановиче, проживающем в пустоши Кривоногово Синерецкой волости»: «Дом муниципализирован и занят под школу по договору. По поводу других построек вопрос будет решён после окончательного разрешения о лишении его земли, на которой возведены постройки. Поводов к выселению его нет, так как Утретский является вполне лояльным гражданином, а в случае лишения его права пользования землей ему может быть предоставлен участок в другом месте».⁸

Следовательно, в 1926 г. Утретский всё же избежал грозящего ему выселения, хотя и лишился жилого дома. Позднее его «дело» всплыло в мае 1927 г. И хотя во вновь составленном Заключении отмечалось, что «если учесть

показания крестьян, то Утретский – крупный землевладелец, торговец, эксплуататор», его всё же оставили в Кривоногове.⁹ Окончательно судьбу его решили уже в ходе развернувшейся коллективизации.

В июле 1933 г. на запрос заводууправления Ленинградского мясокомбината, которое интересовалось социальным происхождением своего работника В.И. Утретского, был направлен ответ, что «в настоящее время Петр Иванович Утретский индивидуально обложен, лишён избирательных прав и его семья выселена из Кривоногова в 1930 г.»¹⁰

Примечания

1. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф.1. оп.1.д.397.лл.21,78; Псковский пахарь. 1924. 26 сентября
2. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф.1880 оп.2. д.177, лл.361,363
3. Псковский пахарь. 1924. 26 сентября.
4. ГАНИПО. Ф.1оп.1.д.397.лл.27-28,79
5. Псковский пахарь. 1924. 26 сентября
6. Псковский пахарь.1925. 1 января
7. ГАНИПО. Ф.1.оп.1.д.397.л.25
8. Там же. Лл.30,32
9. Там же. Лл.78-79
10. ГАПО. Ф.1880.оп.2.д.177.лл.361,362